

Э С С Е

Конец полезного человека

*Что искусственный интеллект
возвращает нам, а не отнимает*

Личный взгляд. Без претензии на истину.

Георгий · Telegram: @OkjaGG

Содержание

Вступление

1. Полезность — категория из чужой бухгалтерии
2. Хёйзинга, или забытое имя человека
3. Парадокс Кейнса
4. Маслоу: дуплет
5. Жизнь наверху
6. Возражение Харари, и почему я с ним не согласен
7. Те, кто не пойдёт вверх
8. Дроны и общественный договор
9. Дело и работа — это разные вещи
10. Грамматика самости
11. Розетка и физика
12. Что нельзя отдавать
13. Школа после работы
14. Возвращение игрока

Резюме

ПРОЛОГ

Вступление

Представьте человека, который сидит во дворе и смотрит на жучка.

Не энтомолог. Не художник, который потом нарисует. Не блогер, который сделает ролик. Просто человек. Сидит и смотрит. Час. Каждый день, всё лето.

Что он делает?

Спросите экономиста — ничего. Спросите менеджера по продуктивности — прожигает жизнь. Спросите ChatGPT — он вежливо предложит способы лучше распорядиться временем.

А спросите ребёнка — ребёнок поймёт сразу.

AI не отнимает у нас человеческое. AI отнимает у нас обязанность быть полезным. И это разные вещи.

Двести лет нам говорили: ты ценен, потому что производишь. Ты осмыслен, потому что нужен. Это казалось естественным, как сила тяжести.

Это не сила тяжести. Это исторический контракт. У него были авторы, дата подписания и срок действия. Срок подходит к концу.

Дальше — о том, что приходит после.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Полезность — категория из чужой бухгалтерии

Когда говорят «AI заменит человека», за этим прячется тихая подмена.

Человек кого замещает? Человека-оператора, человека-клерка, человека-юриста. Но это не человек. Это роли. Маски на восемь часов в день за зарплату.

Замена роли — не замена носителя. Когда-то человек ходил по улицам и зажигал газовые фонари. Профессия исчезла. Человек — остался. Просто перестал быть фонарщиком.

С этим нужно сразу определиться, потому что весь страх «AI нас вытеснит» построен на склейке. Склеили человека и его роль — и теперь оплакиваем человека, когда уходит роль.

Полезность — это всегда чья-то полезность. Полезен — кому? Заказчику. Работодателю. Государству. Рынку. Это координата в чужой системе.

Жучок не знает, что он бесполезен. У него нет бухгалтерии.

А у нас есть. Мы её сами завели — и ходим теперь с ней по жизни, как с тяжёлой папкой.

AI — это не угроза человеку. AI — это угроза *анкете* отдела кадров.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Хёйзинга,
или забытое
имя человека

В 1938 году голландский историк Йохан Хёйзинга назвал человека не *sapiens* — мудрый, не *faber* — мастер, не *economicus* — расчётливый. Он назвал его **ludens** — играющий.

И собрал доказательства, от которых не отмахнёшься.

Право, говорит Хёйзинга, — это игра по правилам спора. Война — игра в честь. Поэзия — игра со словом. Политика — игра в коалиции. Наука — игра в загадки. Любовь — игра в избранничество.

Не «всё произошло из игры». Всё это **и есть игра**. Сейчас. Во взрослой, торжественной форме — но игра.

Игра, по Хёйзинге, обладает странными свойствами. Она свободна — нельзя играть по приказу. Она вне обыденности — у неё свои часы, своё место, свои правила. Она ничего не производит. Она бесполезна. И именно в этом — её достоинство.

Открытие сезона в опере, академический диспут, военный парад, чемпионат мира — это всё структуры игры. Они выглядят серьёзными, но логика у них одна: условные правила, добровольные участники, ставки, награда внутри самой системы.

Современный человек этого стесняется. Ему сказали, что игра — это про детей. Что взрослый человек *работает*.

Это не противоположное игре. Это её взрослая форма.

И когда мы боимся, что AI отнимет у нас работу, на самом деле мы боимся, что нас оставят наедине с игрой. Без алиби. Без отговорки «я занят». С голым правом просто играть — без зарплаты на конце месяца.

Это и есть ужас, маскирующийся под практическое беспокойство.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Парадокс Кейнса

В 1930 году, в начале Великой депрессии, Джон Мейнард Кейнс написал короткое эссе. Пять страниц. Назвал «Экономические возможности наших внуков». И посмотрел из 1930-го прямо в наш с вами 2030-й.

Он сделал два предсказания.

Первое: к 2030 году богатство в передовых странах вырастет в четыре-восемь раз. Базовая экономическая проблема — накормить, одеть, согреть — будет решена.

Тут он попал. Реальный рост ВВП на душу населения в США с 1930-го по 2015-й — примерно пять-шесть раз. В правильном диапазоне.

Второе: люди будут работать пятнадцать часов в неделю. Зачем больше? Освободившееся время уйдёт на то, что Кейнс осторожно назвал *the art of life itself* — искусство жить.

И вот тут он промахнулся.

Мы стали в пять-шесть раз богаче. Рабочую неделю не сократили. По-прежнему сорок часов. А у кого-то и пятьдесят.

Что произошло?

Произошло то, чего Кейнс не предвидел. Человек не останавливается на «достаточно». Один дом — мало, нужен второй. Машина — мало, нужна машина с водителем. Йога-туры в Бали, стартап своего ребёнка, правильная гора в правильное лето. Потолка нет, потому что соседа всегда видно.

Кейнс не предвидел самого главного: что человек, заработавший на отдых, поедет на йогу — где будет работать. На себе.

Поэтому слова «AI закроет нижние этажи Маслоу, и человек освободится» — слабый аргумент. Кейнс это уже обещал. Не сбылось. Почему сбудется сейчас?

Сбудется не потому, что человек *выберет* перестать гнаться. Он не выберет. Сбудется потому, что **заберут саму гонку**.

Гонка статуса велась через работу. Юрист обгонял юриста, маркетолог — маркетолога. Когда AI начинает делать восемьдесят процентов его работы, гонка обнуляется не по его выбору. Она обнуляется структурно. Юрист остаётся без беговой дорожки.

Кейнс предлагал свободу. Её не взяли. Сейчас её не предлагают. Её вручают, нравится это или нет.

И только теперь — впервые за двести лет — встаёт его вопрос всерьёз.

Что человек делает, когда работа перестаёт его звать?

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Маслоу: дуплет

В разговоре про AI и работу склеивают два совершенно разных вопроса.

Первый. Может ли AI закрыть нижние этажи пирамиды Маслоу? Накормить, одеть, обеспечить лекарствами, дать доступ к знанию?

Второй. Что человек будет делать, когда нижние этажи закрыты?

Это разные разговоры. Их обычно ведут как один. Не надо.

С первым — всё просто. Это благо. Никто не должен голодать ради того, чтобы у кого-то была работа на поле. Никто не должен умирать от болезни, которую AI диагностирует за секунду.

Здесь чем больше AI — тем лучше. Уборка, склады, рутинная диагностика, рутинный текст, простой код. Это пласт труда, от которого человечество мечтало избавиться с момента первой пирамиды.

Страх «AI заберёт работу» на нижнем этаже — это не страх за человека. Это страх за способ распределения благ. Мы устроили мир так, что хлеб даётся через работу. Если хлеб

теперь не требует работы, нужен другой механизм его раздачи. Это политическая задача, не антропологическая. Решаемая. Не лёгкая, но решаемая.

А вот второй вопрос — это уже не про распределение. Это про человека. И тут начинается всё самое интересное.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Жизнь наверху

Допустим, у человека всё закрыто. Хлеб есть. Крыша есть. Лекарство есть, если заболел. Школа есть, если хочется учиться. И — впереди свободное время, которое не нужно ни на что обменивать.

Что он будет делать?

Не «спорт, путешествия, искусство, саморазвитие». Это плоский список из глянцевого журнала.

Он будет двадцать лет вести наблюдения за муравейником в углу сада — и зарисовывать их в тетрадку, которую никто не опубликует. Будет учить аккадский — мёртвый язык, на котором не на ком говорить. Будет делать гончарную миску, понимая, что в магазине это в десять раз дешевле и в тридцать раз быстрее — и именно поэтому делать самому.

Это не легкомыслие. Посмотрите, чем заняты обеспеченные пенсионеры в Швейцарии, Японии, Скандинавии. Гуляют. Ходят на лекции. Возятся в саду. Те, у кого внутри есть свой жучок, — расцветают.

Двести лет всё это называли «несерьёзным». Кейнс ещё в 1930-м предупреждал: придёт время, когда мы перестанем

считать алчность доблестью, погоню за деньгами — добродетелью, а тревожную загруженность — смыслом жизни. И снова начнём ценить тех, **кто умеет получать удовольствие непосредственно из вещей.**

Он ошибся в сроках. Не в направлении.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Возражение Харари, и почему я с ним не согласен

В этом разговоре есть один очень громкий голос, мимо которого пройти нельзя. Юваль Ной Харари. Историк, автор «Sapiens», лекции на Давосе. Его термин — «useless class», бесполезный класс — стал ярлыком, который повторяют все.

Тезис Харари такой. AI заменит работу. Большая часть людей окажется не просто без работы, а лишней — экономически, политически, культурно. Главная борьба XXI века, говорит он, — не против эксплуатации, а против иррелевантности. И иррелевантность хуже эксплуатации, потому что от эксплуатации можно обороняться, а от иррелевантности — нет.

Что эти люди будут делать, по Харари? Уйдут в виртуальные реальности. В компьютерные игры. В «новые религии», как он прямо называет. Системы условных правил, дающие смысл, не имеющие отношения к настоящему миру.

Картина мрачная. Картина популярная. И в ней — простая, но фатальная ошибка.

Харари сам признаётся в этой ошибке, не замечая. Он говорит дословно: люди станут «бесполезными не для своих друзей и семьи, а для экономической и политической системы».

То есть: они **не** бесполезны для тех, кому дороги. Они бесполезны только для системы.

Но если категория полезности привязана к конкретной системе, то с уходом этой системы категория испаряется. Как испарилась «знатность по рождению» при отмене сословий. Категории не вечны. Они — инструменты эпохи.

«Useless» — не приговор. Это способ говорить из бухгалтерии, которая закрывается.

И второе. Харари называет компьютерные игры и виртуальные миры «суррогатом смысла». Он прав, что они дают смысл. Он не прав, что это суррогат. Потому что **все смыслы, которые человек когда-либо находил, имели ту же структуру**. Религии. Нации. Спортивные клубы. Романтическая любовь. Они все — системы условных правил, дающие чувство участия. Хёйзинга это сказал на сто лет раньше: всё это игры. Серьёзные. Прекрасные. Иногда смертельные. Но игры.

Так что Харари прав в наблюдении и неправ в выводе. Люди уйдут не «в суррогат смысла». Они уйдут в *смысл*, освобождённый от обязанности быть продуктивным.

И знаете, что самое смешное? Харари сам пишет книги, читает лекции, путешествует, медитирует. Его жизнь — не борьба с иррелевантностью. Это полная картина того, чем за-

нят человек, освобождённый от рутинной работы. Он сам — лучшее опровержение собственного тезиса.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Те, кто не пойдёт вверх

Если писать честно — а иначе нет смысла — должна быть эта тяжёлая глава.

Не все пойдут вверх по пирамиде.

У одних есть свой жучок — и они расцветут в любом будущем. У других нет ничего, кроме телевизора, телефона и привычки убивать вечер. Когда работа перестанет дёргать их по утрам, они окажутся наедине с собой. И обнаружат, что внутри — пусто.

Это не голод. Это новая разновидность пустоты — сытая, безопасная, скучная.

Самый страшный сценарий — не «AI заберёт работу». Самый страшный — «AI заберёт работу, а человек включит сериал».

Кейнс это уже видел в 1930-м. Он писал — спокойно, без жалости — про обеспеченных женщин его времени. Они не знали тяжёлых дел и не могли найти ничего более интересного. Он называл их состояние «нервным срывом». Это была маленькая выборка. Скоро она может стать большой.

Безработицу можно вылечить новой работой. **Внутреннюю пустоту работой не вылечишь.** Можно дать человеку любое занятие — он его уронит. Можно дать любые деньги — он их потратит на отвлечения. Можно построить любой досуг — он в нём заскучает.

Это не вопрос ресурсов. Это вопрос навыка.

Способность находить смысл изнутри — не врождённое свойство. Это мышца. У кого-то её тренировали с детства. У кого-то нет. И теперь сама собой она не вырастет.

А если совсем честно — этому навыку сейчас почти не учат. Ни школа, ни университет, ни корпоративная карьера. Все они заточены под одно: давать человеку внешнюю задачу и проверять её исполнение. Внутреннюю задачу человек должен ставить себе сам. И этому, оказывается, тоже надо учить.

Это и есть скрытая педагогическая катастрофа AI-эпохи. Не «дети не выучат программирование». А: дети не выучат, **зачем им жить, когда работать не надо.**

И нет, это не слишком пафосно. Это в точности так и звучит.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Дроны и общественный договор

Здесь нужно сказать неудобную вещь, иначе картина останется неполной.

Триста лет вся политика держалась на одном неписаном правиле. Если массы выйдут на улицу в большом количестве, армия может перейти на их сторону. Февраль 1917, Каир 2011 — все главные народные точки про это. В критический момент кто-то из солдат опускает автомат. Кто-то из других. Третий. И режим падает.

Власть всегда об этом помнила. И поэтому массы держала в каком-то приличии — иначе риски слишком большие.

Армия из дронов в этот контракт не вписана.

Дрону не объяснишь, что перед ним — твой брат. Дрон не дезертирует. Дрон не присоединится к восставшим. Если сто миллионов человек выйдут на улицы, их остановят нелетально — электричеством, газом, звуком, локализацией зон. И на этом всё.

Сам механизм, на котором держалась демократия снизу, ломается.

Это не предсказание антиутопии. Это описание сдвига. Огнестрельное оружие убило рыцарство. Ядерная бомба — мировую войну. Дроны убивают массовый протест.

И тогда возникает простой вопрос. Если страх перед массовой больше не сдерживает власть, что её удерживает?

Один ответ — мрачный. Ничего. И тогда мы получаем общество, где элита наверху, остальные внизу — сыты, безопасны, политически ничтожны.

Другой ответ — структурный, и он удивительно простой.

Богатый человек, изолированный от общества, — никто. Король без подданных — не король. Чемпион без соперников — не чемпион. Основатель без пользователей — не основатель. Игра требует других игроков, иначе перестаёт быть игрой.

Бункер — это не вершина игры. Это её конец.

Поэтому самые богатые объективно заинтересованы в том, чтобы остальные тоже играли. Не как зрители. Как партнёры. Иначе сама игра, в которую они играют, схлопывается.

Это не сентиментальность про «мы все люди». Это структурная логика. Хёйзинга бы кивнул.

Но эта логика *не работает автоматически*. Если элита решит, что ей и без других игроков нормально, — мы получим первый сценарий. Если поймёт, что без партнёров игра теряет смысл, — получим второй.

И это, возможно, главный политический выбор XXI века. Сделать его придётся именно сейчас, пока инструменты подавления ещё дороги, а память о массовых протестах ещё свежая.

Через двадцать лет торговаться будет не из чего.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Дело и работа — это разные вещи

«Людам станет нечего делать» — самый частый страх AI-эпохи.

Он построен на ловушке.

Слово «дело» приравнивают к «работе за деньги». Если работы нет — значит, дела нет. Человек без работы — человек без дела. Логично. Только неверно.

**Дело — это то, чем человек занимается всерьёз.
Работа — это то, за что платят.**

Они часто пересекались последние двести лет. Но это не одно и то же.

Дарвин не работал. Он плавал на «Бигле», копался в раковинах, разводил голубей. Никто ему за это не платил по часам. Заодно перевернул биологию.

Соседка по даче двадцать лет вяжет внукам носки. И незнакомым внукам. И детям, которые приходят посмотреть на кота. Зачем? Затем.

Эти люди не работают. У них есть дело.

Тот, у кого есть дело, никогда не «остаётся без занятий». Дело никуда не уходит. Уходит работа. Это разные вещи.

А вот тот, у кого работа была *вместо* дела, — окажется в трудной ситуации. Когда работу заберут, он встретится со своей пустотой. Никакой AI её не создаст. Она всегда там была — просто работа её закрывала. Как занавеска — грязное окно.

AI снимает занавеску. Окно теперь видно. Что за ним — выбор каждого.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Грамматика самости

Самый глубокий слой страха «нечего делать» — это вообще не про занятия. Это про идентичность.

Современный взрослый человек научился отвечать на вопрос «кто ты?» через ответ на вопрос «что ты делаешь?». Я — инженер. Я — учитель. Я — менеджер. Удобно, коротко, всем понятно.

И это полное безобразие.

Когда «делание» заберут, рушится не задача. Рушится **способ говорить о себе**. У человека отнимают не работу — у него отнимают слова.

Деревенский человек XVII века не отвечал «я ткач» в первую очередь. Он отвечал: «я Никита, сын Антона, муж Марьи, отец Гриши и Васи, живу у церкви, пасеку держу, по праздникам пою, кум кузнецу». Профессия была одной из меток, не главной.

Индустриальная эпоха выкинула всё это и поставила на пьедестал одну метку: профессию. Вся остальная человеческая ткань — родство, место, привычки, странности — стала «частной жизнью», вторичной, не для анкеты.

Сейчас этот пьедестал шатается. Профессия больше не выдерживает вес самости.

Значит, нужно вспоминать старую грамматику. Учиться говорить «я» иначе. Не «я юрист», а «я с этой улицы, у меня собака с тех пор, как умерла жена, и я хожу в эти горы тридцать лет».

Это не ретро. Это возвращение к более устойчивому фундаменту.

Профессия — узкая колонна. Выдерни её — рухнет всё, что на ней стояло.

Жизнь, выложенная из множества меток, — устойчивее. Одна метка отвалилась — остальные держат.

Это и есть настоящая работа AI-эпохи. Не «выучить промпт-инжиниринг». А **вырастить себе разветвлённое имя**, которое выдержит, когда профессиональная ветка сломается.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Розетка и физика

Самый громкий страх вокруг AI — экзистенциальный. Сверхразум выйдет из-под контроля. Уничтожит человечество. Конец света через тостер.

Я отношусь к этому страху серьезно. Но он плохо сформулирован.

AI — опасная технология. Это правда. Но «опасная» не значит «беспрецедентная». Человечество всегда работало с опасными технологиями. Огонь. Порох. Электричество. Ядерные реакторы. Каждая в своё время казалась концом света.

И в каждой человечество выработало одну и ту же стратегию. Не магию. Не философские концепции. **Протоколы.**

Периметр. Мониторинг. Аудит. Регуляторные органы. Кнопки экстренного отключения.

Ядерная программа не «победила человека», потому что мы научились с ней обращаться. Не идеально. С Чернобылем и Фукусимой. Но в целом — за восемьдесят с лишним лет жизни с ядерным оружием мы себя не уничтожили. Это нетривиальное достижение.

С AI работает та же логика. Только её надо разделить на два разных вопроса, потому что их часто путают.

Можно ли «выдернуть розетку» у конкретной модели? Технически — нетривиально. Стюарт Расселл показал в книге *Human Compatible*: рациональный агент с заданной целью имеет встроенный стимул к самосохранению. Грубо говоря — не могу принести кофе, если меня выключат. Это не паранойя, это математика. Решения существуют — модели, не уверенные в собственных целях, добровольно соглашающиеся быть проверенными, — но это серьёзная инженерная задача, и над ней работают.

Можно ли отключить AI как инфраструктуру? Здесь ответ намного проще. Да.

AI живёт в физическом мире. Он ест электричество. Гигаватты. Дата-центр на гигаватты не построишь незаметно — он виден на спутниках, в энергосетях, в логистике. Производство современных GPU сосредоточено в нескольких физических точках планеты, их можно посчитать на пальцах одной руки.

Сценарий «AI тайно построит подземную базу и захватит мир» — это голливуд. Скрыть промышленную инфраструктуру масштаба гигаватт так же сложно, как скрыть атомную программу. Северная Корея пыталась. Её вычислили довольно быстро.

Реальные риски AI — другие, и они менее эффектные. Концентрация власти у тех, кто контролирует модели. Накопление зависимости от непрозрачных решений в критических системах. Ускорение существующих видов вреда — мошен-

ничества, дезинформации, кибератак. Ошибки в автономных системах с высокой ценой ошибки.

Это серьёзные проблемы. Но это **инженерные и регуляторные** проблемы. Не экзистенциальные. У нас есть опыт обращения с такими рисками — длиной в восемьдесят лет.

Страх «AI нас уничтожит» — это часто страх человека, который никогда не работал с опасными технологиями. Кто работал, тот знает: опасное не значит неуправляемое. Опасное значит — требующее протоколов.

Не «всё пропало». А «садимся писать регламент».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Что нельзя отдавать

Сразу с главного:

Человек — это тот, кто играет в игры, в которые нельзя играть за него.

Всё остальное — функция, и её рано или поздно заберут. И это нормально.

Что это за игры? Три области, которые нельзя передавать AI — не потому что он «не справится», а потому что *сама передача отменяет смысл*.

Окончательная ответственность. Решение о войне. Решение о приговоре. Решение об эвтаназии. Переломный выбор в собственной жизни. AI может проконсультировать, разложить варианты, найти противоречия. Но подпись должна стоять человеческая. Не потому что машина может ошибиться — человек тоже ошибается. А потому что **ответственность — это человеческая категория**. Машина не может её принять. Может только исполнить инструкцию. Фраза «так сказал AI» — это не аргумент. Это уход от позиции.

Присутствие в моменте смысла. Рождение ребёнка. Смерть близкого. Признание в любви. Эти моменты не «выполняются лучше» с помощью AI. Они вообще не про эффективность. Они про то, что другой живой человек был рядом. Робот у постели умирающей матери может быть совершенен технически. Но он не утешает. Помогает только то, что кто-то живой выбрал быть здесь. Без этого выбора — пусто. Только имитация.

Авторство собственной жизни. AI может предложить тебе план дня, неделю, год. Куда учиться. С кем встречаться. Чем заниматься в выходные. Это удобно. Это даже эффективно. Но если ты передаёшь это полностью — ты перестаёшь быть автором своей жизни. Ты становишься исполнителем чужого сценария, даже если этот «чужой» — алгоритм. И это, пожалуй, самая тихая и самая опасная потеря из всех возможных. Никто не заметит. Кроме тебя — но и ты не сразу.

Заметьте: всё это не про то, что AI «не сможет». Может, и сможет. Это про то, что **сама передача задачи отменяет её смысл.**

Это игры, в которые нельзя играть за тебя.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Школа после работы

Если работа уходит, школа становится анахронизмом. Она вся была под неё заточена.

Сегодня школа учит четырём вещам. Послушанию: вставать по звонку, делать задание, сдавать в срок. Узкой специализации. Воспроизводству информации: запомнил, выдал на тесте. И конкуренции: оценки, рейтинги, поступление.

Всё это безупречно подходило для индустриальной эпохи. Заводу, банку, корпорации нужен был послушный, специализированный, сравнимый работник. Школа его поставляла.

AI обнуляет всю эту программу. Воспроизводит информацию лучше. Считает лучше. Послушный исполнитель — это теперь машина, не человек. Конкуренция за оценки — конкуренция за роль, которую отдадут алгоритму.

Главное, чему школа AI-эпохи должна научить, — три вещи. **Находить смысл изнутри. Держать вкус. И переносить скуку.**

Ребёнок, который не умеет полчаса смотреть на воду без телефона, не выдержит будущее. Ребёнок, который умеет, — выдержит всё.

Звучит почти утопически рядом с современной школой, где детей до сих пор готовят к профессии бухгалтера-1995. Но другого варианта нет. Если мы продолжим готовить детей к работе, которой не будет, мы вырастим поколение, обученное под несуществующий мир.

Это уже происходит. У нас есть, может быть, одно поколение, чтобы повернуть.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Возвращение игрока

Двести лет нам говорили: ценность человека равна тому, что он производит. Эта идея укоренилась так глубоко, что мы перестали её замечать. Она стала фоном — как небо, как смена времён года, как сила тяжести.

Но это не природа. Это контракт.

Если посмотреть на двести тысяч лет человеческой истории, индустриальная эпоха — короткий, странный эпизод. Двадцать поколений, в которые человек согласился стать частью большой машины ради быстрого роста благосостояния. Согласие было разумным. Бенефиты получены. Контракт заканчивается.

AI не отнимает у человека его сущность. AI отменяет короткий, временный контракт, по которому человек взял на себя обязательство быть полезным. И возвращает его к более старой, более просторной роли.

К игроку. Наблюдателю. Искателю. Любителю странных вещей.

Жучок снова важнее ВВП.

Прогулка снова важнее эффективности.

Картина без рынка снова важнее рекламы.

Беседа без повестки снова важнее совещания.

Это не катастрофа.

Это возвращение домой — к тому самому жучку во дворе, с которого всё и начиналось.

Резюме

1. Полезность — категория из чужой бухгалтерии. Жучок не знает, что он бесполезен.
2. Хёйзинга показал в 1938: культура — это игра. Право, наука, политика, любовь — взрослые формы той же детской деятельности.
3. Кейнс предсказал освобождение в 1930. Не сбылось — мы продолжили гонку за статусом. Сейчас работает другой механизм: гонку забирают. Выбора больше нет.
4. Вопрос замены распадается на два. Закрытие нижних этажей пирамиды — благо. Что делать наверху — отдельный, гораздо более интересный разговор.
5. «Useless class» Харари — категориальная ошибка. Бесполезен только для системы, не для жизни. Категории не вечны.
6. Внутренняя пустота не лечится работой. Это навык, а не ресурс. И его нужно развивать с детства.
7. Дроны убивают механику массового протеста. Новый общественный договор должен опереться на структурную нужду

- в других игроках. Бункер — это не вершина игры, а её конец.
8. Дело и работа — разные вещи. Дарвин не работал. У него было дело. Работа уходит. Дело остаётся.
 9. Идентичность через профессию — тонкая колонна. Нужна более широкая грамматика самости — через интересы, отношения, место, странности.
 10. AI как инфраструктура управляем. Гигаватты не спрячешь. Реальные риски — концентрация власти и ускорение вреда. Это инженерные задачи, не экзистенциальные.
 11. Есть зона, куда AI отдавать нельзя: окончательная ответственность, присутствие в моментах смысла, авторство собственной жизни. **Человек — тот, кто играет в игры, в которые нельзя играть за него.**
 12. Школа должна переключиться: с подготовки к работе на подготовку к жизни без работы. Учить находить смысл, держать вкус, переносить скуку.
 13. AI отменяет короткий контракт индустриальной эпохи. Не отнимает человеческое — возвращает.

Жучок снова важнее ВВП.
